

Валерий Любушин



В ритмах

музыки...

Посвящается маме детям -
Викте и Александрѳу

ВАЛЕРИЙ ЛЮБУШИН

В РИТМАХ МУЗЫКИ

ЛИРИКА

Любушин В. В ритмах музыки. Петропавловск 2003. с. 63

В книге осуществлен опыт лирической авторской песни
популярные мелодии и музыку, оставившие глубокий след в душе
человека и всего человечества

Петропавловск

2003 г.

Посвящается моим детям -
Инне и Александру

ВАЛЕРИЙ ЛЮБУШИН

Иллюстрации И. Горбунова

В РИТМАХ МУЗЫКИ

ЛЮБУШИН

Любушин В. В ритмах музыки. Петропавловск 2003, с.63

В книге осуществлен опыт лирической автобиографии через любимые мелодии и музыку, оставившие глубокий след в душе.

Петропавловск

2003 г.



В. Любушин

29.07.2007 г.

Посвящается моему дитям –
Наню и Александру



Александр

Музыка - преодоление молчанья,
Воркованье девичьей души,
Музыка вне дразг и сплетен, вне ворчанья,
Волхованье в тайниках глуши.

Музыка – преображение рыдания
В тот мотив, что в дом с собой беру,
Музыка – восторг от первого свиданья,
Взлёт пушинки легкой на ветру.

Музыка – луч солнца в ранний час восхода,
Всхлип любви и шалость на бегу...
Музыка – паренье духа... и свобода...
Я ее для счастья сберегу.

Музыка – струны божественной касанье,
Нет ее желанней и родней,
Музыка – в любви единственной признанье,
Радость от рождественских огней.

А в душе темным-темно, как в глухомани,
Не играет больше в сердце хмель,
Неужели мы расстанемся с друзьями
И не вспомним вешнюю капель?

Но я верю в гармонические трели,
В то, что к нам вернётся сам Орфей
И сыграет на своей простой свирели
Музыку любви, небес, полей...

24.07.2002 г.

Песня залетела гостьей нежной
На крылах любви, а не вражды...
В небе, до беспамятства безбрежном,
Засияли ярко две звезды.

Может быть, в далёком мирозданье,
Где во тьме встречаются века,
Разговор ведут на расстоянье,
Улыбаясь нам издалека.

Льются, растревожив душу, звуки,
Свет в ночной мерцает вышине,
На рояль твои ложатся руки
И плывут в дрожащей тишине.

Музыка так голову вскружила,
Что запела в сердце соловьем...
Чем же ты меня заморозила,
И как это чувство назовём?

Нет ответа.... Разве сила чувства
Не воскреснет в ночь под Рождество?
И, хотя предошущенье грустно,
Не исчезнет наших душ родство.

Так чего ж молчишь ты, как чужая,
И винишь в разладе лишь меня...
Нет любви вне страсти и пожара,
Нет костра без искры и огня!

1961 г.

Весенний вальс

Как причудливо в воздухе пляшут снежинки.
Город в белую сказку одет напролет,
Но в глубинках окраин таит он грустинку,
Он любимую ждет, а весна не идет.

Но уже проступает в природе улыбка,
Солнце в танце веселом бормочет напев,
И качается в небе любви нашей зыбка,
И стучит все настойчивей в сердце капель.

В ритме вальса рождается юности сказка,
В ритме вальса возникнет улыбка твоя,
И закружится все: голова, мир - и ласка
Возродится, как танец, и уйдет от меня.

И пускай ошалело щебечут пичуги,
Март - начало вселенского хмеля всерьез,
А любовь - это, право, великое чудо.
Так давайте пьянеть от нее и от слез!

Ах, весенняя смута! Ах, радость открыться
Небосводу лазурному, милым глазам!
Поднимаю бокал я с весельем игристым
За любовь! Никому я ее не отдам!

Март 1994 года

Людмиле

Любовь, нас увези в глухое Петухово,
Целуй нас, ветер, ласковый, бедовый...
Луна и звезды запевают дружным хором,
И ночь ликует в ритмах вальса снова.

Мы не забудем запах мартовского снега,
Ковер пушистый, тающий и нежный,
Накроет нас ... не совершим тогда побега
Из плена чудного, где так безбрежно.

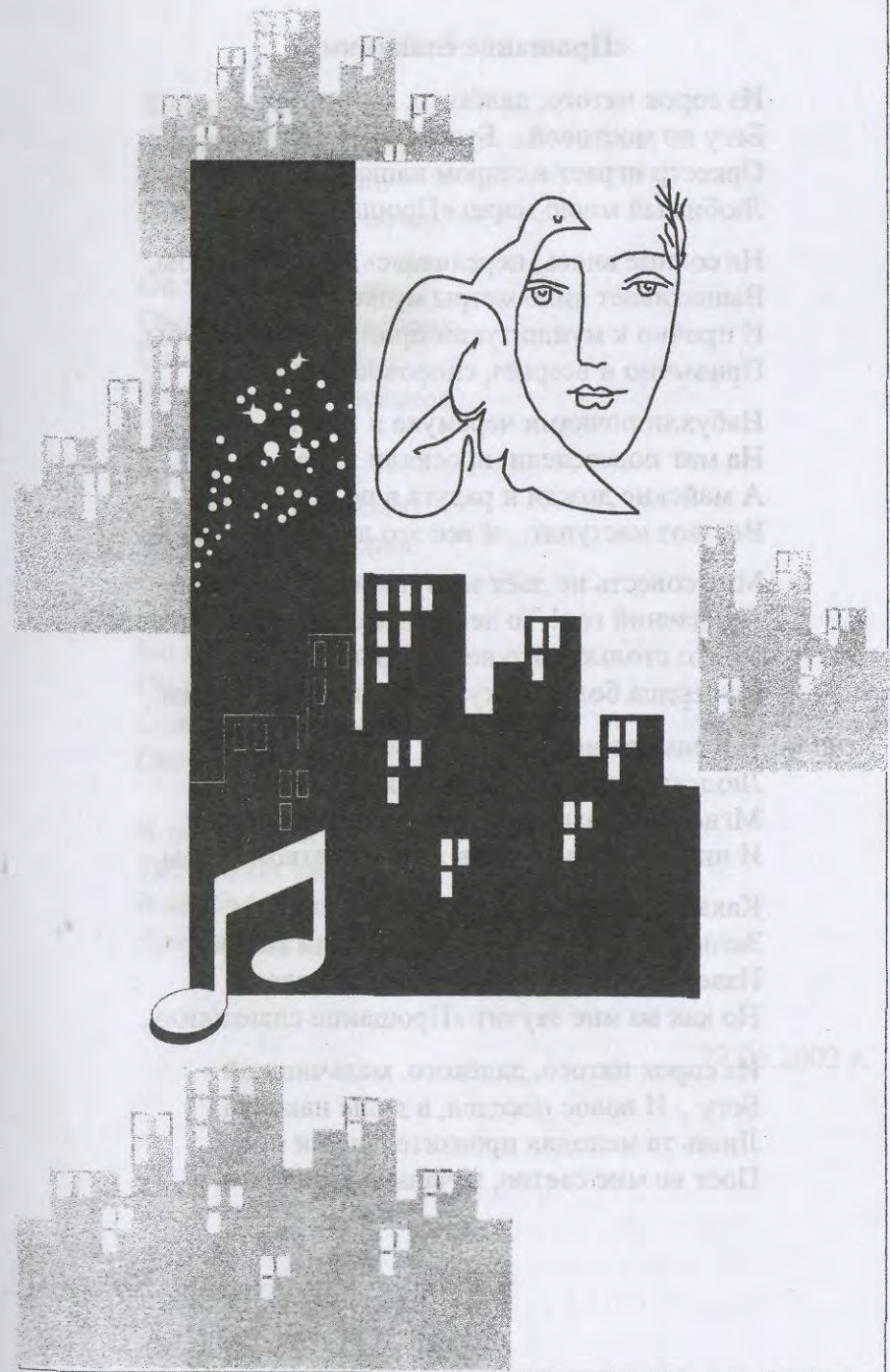
Преодолеем боль и бремя увяданья,
Не погасить в глазах любви сиянье,
В котором лишь одно отражено желанье -
Не отдавать ее всем на закланье.

Уйдем мы в царство трав, их шелест, в шорох леса,
Взлетим, где реют облака и флаги...
Улыбкой в семь цветов, дугою на все веси
Построим мост из солнца и из влаги.

Прекрасен вид берез, красавиц белотелых,
И волос твой, что волны океана,
Я верю, верю в золотые плесы, мели,
Что явлены в полотнах Левитана.

Раскинув смело крылья улиц, скверов, парков,
Мой город рос на берегах Ишима,
Он, музыкой представ святых Петра и Павла,
Стал песнею и клятвой нерушимой.

6.03.1995 г.



«Прощание славянки»

Из сорок пятого, далёкого, мальчишка,
Бегу по мостовой... Булыжники и ямки...
Оркестр играет в старом нашем городишке
Любимый мною марш «Прощание славянки».

На солнце вновь, переливаясь, блещут трубы,
Вышагивает лихо метры музкоманда,
И прочно к мундштукам припали чьи-то губы,
Привычно и всерьёз, сноровисто и ладно.

Набухли почками черёмуха и вербы,
На миг повеселели, просияли лица...
А майские дожди и радуга в полнеба
Вот-вот наступят... и всё это не приснится.

Мне совесть не даёт заснуть сейчас ночами.
Ах, давний год! То легкомысленный, то страшный...
Убито столько, что не вычерпать годами
Из сердца боль, тоску и горечь по отважным.

И в памяти моей поэтому не стёрты
Людские эшелоны, обмороки, слёзы,
Мгновенно выцветшие с горя гимнастерки
И письма фронтовые в жанре краткой прозы.

Какая музыка взмывает нынче в небо!
Заглохли в Праге и на Эльбе наши танки,
Наверное, погибших ждать уже нелепо,
Но как во мне звучит «Прощание славянки»...

Из сорок пятого, далёкого, мальчишкой
Бегу... И волос поседел, в душе наколка,
Лишь та мелодия пронзительней и чище
Поёт во мне светло, печально и надолго.

Сентябрь 1996 года.

Я выглянул в окно.
Задул желанья ветер...
Опять любви вино
Пьянило летний вечер.

Он захмелел, запел...
Он весь дурман и запах,
От счастья ослабел
И стал совсем растяпой...

Чего-то лопотал,
Кому-то объяснялся,
Он разум свой терял
И даже извинялся.

Но вечер был поэт,
Он в музыку вживался...
Стихами, как атлет,
Свободно раздражался.

И подарил он мне
Тот аромат творенья,
В котором, как во сне,
Замедлились мгновенья

27.05.2002 г.

«Брызги Шампанского»

Ночь такая бездомная,
Вся из шорохов, звезд,
И плывет танго модное
Средь пылающих роз,

Аромат одуряющий,
Мне всего двадцать лет -
Вот какой впечатляющий
Нашей встречи сюжет.

Снова «Брызги шампанского» -
Моей юности свет.
Из былого, неясного
Мне верните билет!

Ты такай нарядная,
Маков мой первоцвет,
В платье ситцевом ладная,
Восхищенье и бред.

Я весь таю от музыки,
Опьяняюсь тобой,
Косы длинные, русые
И платок голубой.

Очи милые, страстные,
Как смеются они...
Очень нежные, разные
В них горят огоньки.

Ритмы стонут нерусские,
Хоть люби, хоть пытай,
То томительно грустные,
То влекущие в рай.

Сердце в танце заходится,
Ох, со мною беда!
Но, наверное, водится,
На земле так всегда.

Я, любовью израненный,
На распутье времен,
Я тобой в назидание
Заарканен, пленен.

Ночь, истаяв, прощается,
Чуть алеет заря.
Танго, всхлипнув, кончается,
Жизнь прожита не зря.

Октябрь 1996 г.

Любовное ретро

Ночь влюбленных, танцуй с упоением!
В платье черном из бархата с шлейфом из звезд,
Чтоб пажи пред тобой в восхищении
Устилали твой путь алой россыпью роз.
Странник я, весь тобой околдованный,
Месяц с неба улыбкой приветно блеснул,
И стою, словно в цепи закованный,
И грешу невпопад на бедняжку - весну.
Я рванулся к любимой, как знаменье,
Я к ладоням приник, в сердце боль и вина...
И волос водопад в назидание
Заструился послушно в руках у меня.
Утро в трубы играет мажорное,
Солнце вновь пригревает... Какая теплынь!
Олетунают дурное и вздорное,
И смеется от счастья небесная синь.

Март 1997 г.



Мы все отходы бытия,
Остывший пепел дрызг и пьянства.
О где ты, музыка моя!
Душа, поэзия и братство!

Хочу гармонию найти
В кривых зигзагах перестроек,
Стремлюсь в надёжный дом войти,
Но в нём уж лаз для мины роют.

Бегу тогда в молчащий лес,
Кричу от боли, возмущенья:
"Зачем вселился в души бес,
Зовущий только к жажде мщенья?"

И не спасут тут нас любовь,
Терпение, послушность даже.
Когда ж лучом надежды Бог
Согреет мир, чтоб был он краше?

Чтоб проникал в сердца людей
Он всё нежнее и милее,
Иначе холод, суховей
И смерть окажутся сильнее.

Но хватит! Сумрак этих строк
Так веет горечью и хмелем,
И если дан нам всё же срок,
Преодолеем топь и мели.

Алматы, 30 апреля 1996 года.

Накатывал вечер, сиреневый, мглистый,
В нём царствовал тайный пленительный грех,
Задорно, зазывно, октавою чистой
Звучал парижанок чарующий смех.

Бренчали вальжно гитар переборы,
Каштан за каштаном разбрасывал лист,
И парочки таяли в тьме, точно воры,
И был королём настроенья каприз.

Каприз – то прыжок в мир легенды и сказки,
Который воспет Антуаном Ватто.
Галантные дамы ... Галантные ласки,
Галантные встречи в каретах, в манто.

О Век рококо, прихотливый, изящный!
Манон и Гриё, гильотина, де Сад ...
Век страстный, безумный, великий и страшный,
Век райский, век – эрос, век – разум, век – ад!

А в будущем явят мордашки гризетки,
И Эйфеля башня лишь абрис в мечтах,
На кортах в прыжках зарезвятся нимфетки
С ракеткой-судьбой в загорелых руках.

Неведомо им, что печалью так часто
Насытят их душу, затопчут года,
Тела для любви, для утех и для счастья...
И кровью история станет сыта.

Всё это покажет нам Фата Моргана,
Парижская сводня, колдунья, беда,
Поманит, притянет и петлей аркана
Вовсю околдует, но бросит всегда.

24-25 июля 1996 г.

«Амурские волны»

Старинного вальса призывные звуки
Разносятся грустно, возвышенно, скромно...
«Амурские волны» - вас деда и внуки
Всегда танцевали под небом огромным.

Под пологом ночи, под синим покровом,
Где звёзды влюблённо на землю мигают,
Где в бликах фонарных и жёлто-багровых
Таинственно ели на мир наш взирают.

Там музыка царствует, молодость правит,
Там бал для красивых, надёжных, отважных,
Там пышут здоровьем, мечтою и правдой,
Там столько любимых и столько бесстрашных...

Поручик в мундире, смущённый и ловкий,
Кружит по площадке с избранницей страстно,
Она же в порыве, откинув головку,
Плывёт в ритмах вальса стремительных, частых.

Не нужно тут слов и пожатий несмелых,
Не писем безумных, уклончивых, важных...
Здесь музыка в душах, прекрасных и светлых,
Здесь вальса победы восторгами свяжут.

Уж минуло много годов и угасло...
Ушли поколения... След затерялся,
Но вновь воскресает упорно и властно
Пленительный ритм старинного вальса.

Он нынче изгнанник, но молод и вечен,
Он вдруг закружит так, шутя, полпланеты...
И сбросим с себя омертвевшие речи,
Бескрылые путы и вражьи наветы.

И пусть вальс не моден. Но вы мне поверьте,
Нет истины выше, чем жизнь человека...
«Амурские волны» - вы наше бессмертье,
Вы наша надежда, мелодия Века!

Сентябрь 1996 г.

Весна

Еще в перехлестах метели
И вое истошном зимы
Мелодию звонкой капли
Вдруг чудом услышали мы.

Как быстро лазурью веселой
Оделись снега и дома,
Проснулись в глубинке поселки,
Железом задорно гремя.

Щебечут заботливо птахи
И славят весну в городах,
Как черные нотные знаки,
Уселись на всех проводах.

Тут вспомнишь про детство, каштаны
И радугу, что каланча,
Про дождик, когда ты бесштаный
По лужам даешь стрекача,

Про сердца восторженный трепет,
Который в девчонке будил
Ответное чувство, про лепет,
Что рифмой звучал из груди,

Когда хорошили от ласки
И счастья любимой глаза ...
Как жаль, что не время для сказки,
И сохнут криницы от зла.

Я верю возвышенно в чувство,
Которое будет шестым.
Весной так прекрасно и грустно,
Что мы ее жаждем, хотим.

Март 1997

Осень

Сени, Осень, свои раскрой,
И мотив мне модный напой!
Из багрянца парка покрой.
Он шуршит листвою под ногой.

О любви, все внутри вороша,
Вдруг запела с грустью душа.
Густ осенних красок настой,
От него и радость с бедой.

Солнце нежится и добрей
Согревает детей, зверей.
Бабье лето - вальс во дворе,
Бал прощания в октябре.

Как звучит с мольбой саксофон,
Словно Бога просит о том,
Чтоб не мерзла чья то душа,
Чтоб согрелась и в жизнь пришла.

Этот мир - он и рай, и ад.
Все зависит от нас с тобой.
Так куда же птицы летят.
И зачем немоты покой?

Октябрь 1996 г.

Моцарт

«Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!»

А. Блок

Маэстро, клавесин и кипа свежих нот,
Пленителен шалун из дамского алькова,
И музыка его – в Эдем полёт,
Она как лёгкое дыхание от Бога.

Он ростом невысок, и стать его легка,
Он мальчик хилый среди мужей придворных,
Но как остёр язык, а выдумок – река,
Он – царь-олень среди собачьей своры.

В камзоле красном, с буклями парик,
Он в чехарду затеял перепрыжку,
И смех запрыгал, как ребёнок, и затих,
А на траве нечитанная книжка.

Простим ему дурачества его,
Веселье в скорби, грусть во время смеха.
У Моцарта одно лишь божество,
И только он один ему помеха.

Злопамятства из Вены не избыть,
Оно плодится завистью и плетью.
Ведь гения нетрудно оскорбить
И сжить со света незаметной сплетней.

Но Моцарта Сальери не травил,
Легендою пленился Пушкин павший,
Сам Моцарт Моцарта, по-моему, убил,
Сгорел от музыки, его переполнявшей.

О звуки из небесных сфер и звёзд,
Гармония, что музыкой зовется...
Мелодия, что изгоняет в душах злость
Да так, что сердце сладостно забудется

А на подушках разметалась голова,
Смерть пожирает каждое мгновенье...
Ах, Моцарт! Не спасут ни Бог, ни Сатана,
Бессмертны музыка твоя и ею упоенье.

Ноябрь 1996 г.

Амадей не выращивал роз,
Амадей не писал для народа.
Он вбирал в себя рокоты гроз,
Сокровенные вздохи природы.

Шаловливые смехи детей
И признаний лирический норв,
Небо звёздное, дали путей
И ажурные шпиги соборов.

Бег шаров, полуночный бильярд,
Пробуждаются утро и сказка,
Стук вальков, свежий запах белья,
Поцелуй из окна без опаски.

Звук шарманки, спокойный Дунай,
Что устал не от лодочных гонок,
Восходящее солнце и лай
Ошалевших от счастья болонок,

Кринолины воздушных кузин,
Словно облачко в фазе томленья,
Платья шорохи, взгляды мужчин –
Приоткрытая книга волненья.

Ах, амуры, плетенье словес,
На земле от Венеры сиянье!
В мире царствует вновь политес
Пылких жестов и страстных желаний.

Он ещё для толпы не кумир,
Щупловатый маэстро из Вены,
Но родился бессмертный клавир
Из мелодий расцветшей вербены,

Из каштанов и стайки берёз,
Аромата душистых акаций,
Из восторженных утренних слёз
И улыбок кокетливых граций.

Всё бормочет мотивчик, поёт,
Как на ветке свободная птаха,
Сердце бьётся, трепещет, зовёт
И восходит в мученьях на плаху.

Амадей не выращивал роз,
Амадей не писал для народа...
Он загадка для нас и вопрос,
Он рывок в небеса и свободу.

Август 2000 года.

Венский вальс

«Когда народ танцует, он не опасен.»
Меттерних

Роскошные дворцы, зелёные поляны
И море орхидей, тюльпанов, лилий, роз.
Ликуют в парках царственных фонтаны,
Взмывая в воздух мириады брызг и рос.

Ожили статуи бессмертных олимпийцев,
Их мрамор сердце греет и бодрит,
И кажется, что из лугов крутых, альпийских
Сюда нагрянет Пан, весёлый бог игры.

О Вена! Город мой на голубом Дунае,
Жемчужина, добытая со дна на свет,
Орфей и Эвридика суть твою узнали
И наградили счастьем танцевать и петь.

Он просыпается не поздно и не рано
Под звуки скрипок и протяжный нищих крик,
Чудесный шпиль прекрасного Стефана
Иглою вновь таранит неба лик.

Скользит напевно вальс, изящный и ажурный,
В нем венца радостная светится душа.
Она играет то в любовь, то в жмурки,
И на волнах веков проносится, кружась.

И вот танцует вся блистательная Вена,
Триумфы вальса – между Штраусами спор.
И в хрусталах Клико божественная пена
Разбудит в сердце страсть, туманя женский взор.

Как в мире преходящи люди, годы, даты!
Минувшее как сон, а будущего нет,
Но вечен гений вальса, музыки и лада,
Он льётся из глубин, волшебник и поэт.

Ноябрь 1996 год.

Наступало вербное воскресенье...

У вербы набухли почки. Она в ожиданье рожденья
Зеленой листвы запашистой, надежда – не прошлый снег.
И все учащенное сердца восторженное биенье,
И все сумасшедшее стрелки по кругу любовный бег.

Природа - она вещунья, предчувствует зиму и холод,
Что вскоре нагрянет лето; черемуха дышит весной.
Но человек - вот - загадка. Он древний запутанный город,
Вместилище тайн он и песня, тропинка в глуши лесной.

Какой ожидается вечер? Тихий, спокойный, вербный...
А может с грозой и бурей, где души играют в молчок?
Признаюсь с улыбкой грустной, и Вы мне на миг поверьте:
Бег жизни не остановишь, хоть кончил крутиться волчок.

А в мире сияет солнце, и радуют смехом дети,
Конечно, беды растают, сыграет нам песню рожок.
Как веет прохладой с поля в денечки апрельские эти,
И катит под скрипку Вивальди беспечный любви возок!

Апрель 1997 г.

Фредерик Шопен

В раскрытое окно прохладой с поля веет,
И белый кипень яблонь радует глаза.
Вчера под четкий ритм дождя и птичий щебет
Прошла в задорном марше майская гроза.

Волнует снова нас вселенский ветер странствий,
И западает в сердце музыка любви,
Мелодия в душе, как отзвук первой страсти,
Рождается, растет и зреет изнутри.

Повсюду вьется плещ, снедаемый тревогой,
И звезды гаснут в небе сером и пустом,
Вдруг тонкий солнца луч, как весточка от бога,
Надеждой скромной озарил в Шафарне* дом.

В нем тишина, покой, рояль в углу гостиной.
Разбросан ворох нот на крашеном полу,
Возникший женский призрак в белом кринолине
Танцует полонез и убегает в мглу.

Наступит жаркий день ... и слышится бельканто,
Поместье пробудилось, и шумит корчма.
Ясновельможный пан с усатым музыкантом
Творят дуэтом вдохновенный взмах смычка:

Звучат многострадальной родины стенанья,
Порыв к свободе, счастья светлая мечта
В той щедрой музыке, не ищущей признанья.
Шопен, Шопен, в веках поющая звезда!

Июнь 1997 г.

*Шафарня – поместье друга Шопена Домуса Дзеваневского